

Гавриил Николаевич Троепольский, автор всемирно известной повести «Белый Бим — Черное ухо», и в преклонном возрасте любил водить автомобиль.

И вот однажды понадобилось ему поехать в Москву по литературным делам. Приходит он в писательскую организацию:

— Вот в Москву хочу на своих «Жигулях» поехать. Никому не надо? Попутчиков ищу, кто бы компанию составил, чтоб ехать было веселее.

Виктор Михайлович Попов, тогдашний председатель Воронежской писательской организации, сказал ему, как бы советуя:

— Тяжело ведь, Гавриил Николаевич, в Вашем возрасте за рулем. Расстояние-то немалое. Да и небезопасное это дело... Поехали бы Вы поездом... Надежнее...

— Понимаешь, Витя, — возразил ему Троепольский. — Я в вагоне никогда не могу уснуть.

— А за рулем Вы разве спите? — удивился Попов.

С доводами и советами Виктора Михайловича Троепольский согласился, но в Москву все же поехал на своих «Жигулях».

АВТОГРАФ ЛЕНИНА

На творческих встречах после выступлений к писателям часто подходят слушатели и просят их поставить автографы на их книгах, в записных книжках, на открытках или даже просто на листках бумаги.

После одной из таких наших встреч, к воронежскому поэту Виктору Полякову подошла женщина с брошюрой В.И. Ленина и на полном серьезе попросила Виктора Михайловича оставить на ней свой автограф.

Виктор Михайлович вопросительно посмотрел на нее: уж не шутка ли это? Нет, женщина не шутила. Тогда он, спросив, как ее зовут, размашисто написал: «Анне Сергеевне на добрую память... И — расписался: «В.Ульянов (Ленин)».

ЭТИКЕТКА С АВТОГРАФОМ

Из Москвы в Воронеж приехал известный поэт Анатолий Владимирович Жигулин. Время было летнее и потому его приезд было решено отметить на берегу реки Воронеж. Решили — сделали!

Впятером: Анатолий Жигулин, воронежские поэты Виктор Поляков, Павел Мелехин, Евгений Поликутин и я, затарившись, пришли на берег реки, недалеко от Чернавского моста. Расположились. И вдруг Анатолий Владимирович говорит нам:

— Ребята, я хочу попросить вас, пока мы все в «форме», оставить на память мне свои автографы.

— Какие проблемы?! — ответили мы дружно.

— Да дело в том, — несколько смущенно продолжил Жигулин, — что я коллекционирую автографы на бутылочных этикетках.

В целях экономии, было решено расписаться всем на «чекушке».

На берегу сидели мы долго. Досиделись до того, что только «чекушка» с нашими автографами на этикетке и осталась невыпитой. На наши уговоры оприходовать ее, Анатолий Владимирович не соглашался: мол, такой редкий коллекционный экспонат жаль терять.

Выход из положения нашел, как всегда, Мелехин:

— Мы давайте этикетку с автографами отклеим, а водку выпьем. А Вы, Анатолий Владимирович, в Москве купите «чекушку» и приклейте на нее эту этикетку с нашими автографами. И везти легче, и автографы на месте...

Все, в том числе и Жигулин, очень обрадовались находчивости Павла.

БРЮКИ ПОД АРЕСТОМ

После дружеской встречи на берегу реки Воронеж, поэт Анатолий Жигулин, приехавший из Москвы погостить у матери, не появлялся в писательской организации несколько дней подряд. Когда же, наконец, объявился, мы к нему:

— Анатолий Владимирович, что случилось? Куда Вы запропалились?

— Да понимаете, тут такое дело получилось, — смущенно сказал Жигулин. — Мы же тогда с вами немного увлеклись, а мать очень после волновалась за мое здоровье. И чтобы не повторилось подобное, она «арестовала» мои брюки — спрятала их в шифоньер, замкнула его и забрала ключи. Я знаю, что задняя стенка шифоньера не прибита полностью. Брюки, конечно, достать можно было, но мне очень уж не хотелось мать огорчать...

СЕСТРА ТАЛАНТА

В издательстве «Молодая гвардия» поэту Павлу Мелехину дали на рецензию рукопись стихотворений поэтессы Пановой. Стихи Мелехину не понравились. Текст его рецензии был предельно коротким и лаконичным «Пановой: пиши по новой...»

ФИОЛЕТОВЫЙ БОРЩ

Поэт Василий Лиманский, родившийся в селе Вознесенском Таловского района Воронежской области и воспитывавшийся в семи детдомах — закоренелый холостяк. Ему уже за пятьдесят, а он еще ни разу не женился. Но глядя на него, никогда не подумаешь, что живет он без жены: всегда прибранный, аккуратный. И в квартире у него чисто, уютно, и круглый год на столе цветы стоят. Стирает себе он сам, квартиру убирает сам, готовит себе тоже сам.

И вот однажды решил Василий Иванович борщом полакомиться. Пошел на рынок, купил мяса, свеклу, морковку... Словом, все, что надо... А вот капусты белокочанной на тот момент на рынке не оказалось — разобрали. Он подумал-подумал и купил кочан синей капусты. С ней-то и сварил борщ. Что было дальше, Василий Иванович рассказывает так:

— Прихожу вечером с работы. Умылся, переоделся... Борщ подогрел. Наливаю в тарелку и понять ничего не могу: он весь сине-фиолетовый, как чернила. Аж смотреть страшно, не то что есть. Что же делать? Голод не тетка, есть-то после работы хочется! Я подумал-подумал, а потом свет выключил и — съел!..

НЕ ПОНЯЛИ ЮМОРА

По Воронежу прошел слух, что два приятеля-писателя, Владимир Котенко и Аркадий Давидович, соавторы одной книги сатиры и юмора, поссорились.

Слухи эти вскоре подтвердились. А причиной их размолвки было решение приемной комиссии Союза писателей РСФСР.

Когда из Воронежской писательской организации пришло ходатайство о приеме их в члены Союза писателей по совместной книге, то комиссия почему-то решила: Котенко в Союз писателей принять, а Давидовичу в приеме отказать.

Шутки этой писатели-юмористы не поняли и после этого писать по-прежнему совместно веселые книги не могли, и их творческий тандем распался навсегда.

ДВА «ДУБА»

Впервые с воронежским поэтом Виктором Панкратовым встретились мы в белгородской гостинице «Центральная». Разговорились о стихах, о публикациях.

— Свое первое стихотворение опубликовал я в родной рамонской районке, — сказал мне Виктор Федорович, — называлось оно «Дуб».

— Удивительное совпадение, — поразился я. — Мое первое стихотворение было опубликовано в Шебекинской районной газете и тоже называлось «Дуб».

— Ну, вот нас два «дуба» и собралось, — угрюмо пошутил Панкратов.

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ...

Воронежский радиожурналист Виктор Филин приехал в командировку в село. То ли село ему не понравилось, то ли в хозяйстве дела шли неважнецки, то ли принял его не совсем гостеприимно, но разобиделся он на всех и в присутствии колхозников распаял руководство колхоза:

— Да я такое про вас расскажу, такое расскажу... Вот услышите по радио...

Одна старушка слушала его слушала, а потом не выдержала и сказала:

— Ну что ты, милай, расшумелся-то?! Ничо мы и не услышим, че ты расскажешь. У нас ить в деревне-то радива нетути и не было...

СИЛА СЛОВА

Поэт Павел Мелехин и жена поэта-белгородца, актриса театра кукол, Нина Данилова, застряли в лифте. Что ж, такое, увы, случается. Чтобы как-то скоротать и скрасить время в ожидании слесарей-ремонтников, они стали рассказывать друг другу различные смешные анекдоты и веселые истории.

Вызволили их из лифта долгожданные горе-ремонтники часа через полтора — не раньше.

Выйдя из лифта «на свободу», Нина Емельяновна набросилась на них:

— Почему вас так долго не было?

А те смущенно в ответ:

— Да мы давно приехали. Просто так интересно было, что мы заслушались.

ВОЗРАЗИТЬ НЕЧЕГО

Тот, кто знает поэта Василия Лиманского, может подтвердить, что на его светлой талантливой голове практически нет волос.

Однажды я позвонил ему и пригласил, как члена ревизионной комиссии, на заседание правления нашей писательской организации. До начала этого заседания было еще больше трех часов. А добираться Василию Ивановичу от дома до Союза писателей максимум полчаса.

— Не приду, — твердо сказал Лиманский. — Я только что помыл голову и не успею ее высушить.

Ну что я мог ему на это возразить?!

НОВОГОДНЯЯ НЕДОСТУПНОСТЬ

В первый день Нового года позвонил на квартиру белгородскому писателю Виктору Ивановичу Белову.

Трубку подняла его жена Виктория Михайловна. Услышав мой голос, она сказала, не здороваясь:

— Он сейчас недоступен...

И положила трубку.

ИГРА «ВСЛЕПУЮ», ИЛИ ДОИГРАЛИСЬ

Поэты-белгородцы Михаил Кулижников, Валерий Игин, выпускник Воронежского университета, и украинский письменник Виктор Череватенко поехали на рыбалку. За вечерней ухой Череватенко вдруг предложил Игину сыграть партию в шахматы.

— Так у нас же ни шахмат, ни шахматной доски нет, — удивленно сказал Игин.

— А мы давай играть «вслепую»: е-2 — е-4 и т.д.

Игин согласился. Но поскольку Витя Череватенко, в отличие от Валеры Игина, который имеет первый разряд по шахматам, играть «вслепую» не мастак, то вскоре у них возник спор по поводу неправильного «хода» конем, который сделал Череватенко.

— Твой, Витя, конь там, откуда ты ходишь, не стоял, и вообще конь так не ходит, — спокойно сказал ему Игин.

— Как не стоял? Как не ходит? — стал горячиться Витя. — Если так, то я откладываю партию до утра.

— Это почему же? — поинтересовался Игин.

— А потому, что темно и ничего не видно, — победоносно ответил Череватенко...

В другой раз Валерий Игин и Виктор Череватенко весь вечер и полночи у Игина дома до одурения играли в шахматы. И доигрались до того, что после очередного Витинога хода, Игин с удивленным возмущением воскликнул:

— Витя, а ты почему это ходишь моим слоном?!

На что Витя недоуменно спросил его:

— А ты, Валера, какими играешь — белыми или черными?

СТИХИ ПОМОГЛИ

На вступительных экзаменах на отделение журналистики Воронежского государственного университета по немецкому языку мне поставили двойку. Такая же участь постигла и Витю Шаметько, моего будущего сокурсника. После такого провала мы с Витей сразу же, расстроены, ринулись в приемную комиссию заби-

рать свои документы. Но там нам сказали, что документы мы сможем забрать дня через три, или же нам их вышлют позже по почте домой. Мы решили подождать и забрать их сами. И ушли восвояси на квартиру, где мы жили во время вступительных экзаменов. Три дня и три ночи печалились мы с Витей, пока не родились у меня рифмованные строчки по поводу нашего сокрушительного провала. Написалось прошение в стихах в приемную комиссию Воронежского госуниверситета. Вот оно:

Я — литсотрудник на полставки,
Забыл все русские приставки,
К тому ж признаюсь, ВГУ, —
В немецком тоже ни гу-гу!
Но я не бездарь, не тупица,
Судите сами — вам видней,
Мне только жаль, что все частицы
Необходимее корней.
Прошу представить мое горе
И научить спрягать глаголы.
Скажу без зависти и лести:
Мечтал я журналистом слыть,
Но я не знал, что на немецком
С народом надо говорить.
Жду с нетерпением решенья
Приемкомиссии родной.
Примите к сведенью прошение —
Не обойдите стороной...

С этими рифмами, перепечатанными на машинке, и пришли мы в назначенный день за своими документами.

Когда я продекламировал это, девочки, наверное, старшекурсницы, выдававшие всем «провалившимся» абитуриентам документы, и смеялись, и сочувствовали нам. На этом бы все и закончилось. Но на наше счастье в этот момент в приемную комиссию зашла целая преподавательская свита во главе, как после выяснилось, с проректором университета и деканом филфака.

— Что за веселье? — удивились они.

— Да вот ребята веселые попались. «Провалили» вступительные экзамены, стихи по этому поводу написали и принесли нам на память, — стушевались девочки.

— Что за стихи? — строго взял листок проректор и пробежал по нему глазами.

Потом посмотрел на нас с Витей:

— А ну, выйдите пока...

Вскоре нас пригласили... Словом, нам разрешили пересдать иностранный язык и мы были приняты в университет. Стихи помогли.

Кстати сказать, этот «опыт» поступления в университет сгодился мне и потом, когда я учился в нем. Перед октябрьскими праздниками из деканата поступила команда — всем до одного быть на демонстрации. Кто же по какой-либо причине не может быть, должен написать на имя декана заявление с объяснением причины своего отсутствия. Я написал заявление на имя Полины Андреевны Бороздиной. Выглядело оно так:

По дому очень я тужу,
Пустите в увольнение.
Причины все я укажу
Вам в этом заявлении.
Одежды зимней нету — раз,
Нет денег и ботинок,

А, во-вторых, наполнить рад
Едою я корзины.
Там ждут меня мои друзья,
Любимая встречает,
А, в-третьих... В-третьих, просто я
По мамочке скучаю.
По дому очень я тужу.
Прощение примите.
Я очень, очень Вас прошу —
Ну, сжальтесь, отпустите...

На следующий день меня с лекции вызвали в деканат.

— Прочитала я твое заявление, — сказала, улыбаясь, Полина Андреевна. — Я положу его рядом с тем, которое написал ты при поступлении в университет. А с демонстрации — отпускаю. И от себя даю еще два дня после праздников.

Стихи опять помогли.

...А уполномоченный Литфонда СССР по Воронежской области писатель Игорь Семенович Чемяков позже, когда я ему рассказал все это, каждый раз, встречая меня в Союзе писателей, говорил посетителям:

— Посмотрите на этого молодого человека. Это тот самый, кого с «двойкой» в университет приняли...

«МЫ ОЧЕНЬ ЛЮБИМ КАРТОШКУ...»

У поэта Виктора Белова, родившегося в Воронеже, есть стихотворение, которое начинается так: «Я очень люблю картошку...»

Стихотворение это хорошо известно как в литературных кругах, так и среди читателей, поскольку поэт читает его на всех встречах. Многократно стихотворение это публиковалось в газетах, журналах и книгах.

И вот однажды, в начале сентября, приходит Виктор Иванович в писательскую организацию удрученный, в плохом расположении духа. На вопрос «Что случилось?» он безнадежно махнул рукой и коротко ответил:

— Меня обокрали...

Оказалось, что в тот день он с матерью, женой и сыном поехали на свой садовый участок копать картошку. И каковы же были их разочарование и обида, когда они увидели, что картошку на их огороде уже кто-то выкопал подчистую. А на видном месте воры оставили записку: «Мы тоже очень любим картошку!»

ПЛЕМЯННИК ЕСЕНИНА

Участниками Дней славянской письменности и культуры в Климовичах, в Беларуси, были известный скульптор Вячеслав Клыков, белгородский скульптор и художник Анатолий Шишков и писатель Виктор Белов. Возвращаясь домой, в пути они остановились у колодца попить воды. К ним тут же подошел военный:

— Пройдемте со мной, — скомандовал он.

Несколько обескураженные командирским тоном, они беспрекословно последовали за ним. Зашли в помещение, на столе — карта.

— Вы откуда? — строго спросил полковник.

— Из Белгорода, — за всех ответил Шишков.

Полковник тут же достал бутылку водки, хлеб и банку с грибами.

Выпили... Закусили...

Белов подналег на грибы.

Полковник оказался ввучатым племянником Сергея Александровича Есенина. Во всяком случае он представился именно так.

Услышав это, Белов осторожно спросил:

— А Вы стихи случайно не пишете?

Полковник ответил, что грех такой за ним водится.

— Почитайте что-нибудь, — попросил Белов.

Полковник тут же согласился.

Пока племянник Есенина читал свои стихи, Белов за обе щеки уплетал грибы. Насытившись, он отставил банку с грибами... А полковник все продолжал читать. Наконец, он закончил и тут же спросил своих слушателей:

— Ну как?

— Да как, — медленно ответил Белов. — Пока я ел грибы, стихи были хорошие, а когда перестал есть, то стихи кончились...

НЕБЕСНЫЙ ЗЕМЛЕЖИТЕЛЬ

Во время похорон матушки белгородского писателя и журналиста Виктора Белова, Прасковьи Васильевны, из Старого Оскола позвонил поэт Александр Машкара в Союз писателей и спросил меня.

— Молчанов на похоронах у Белова, — ответила ему поэтесса Вера Кобзарь.

Приняв ответ Веры Петровны и поняв его по-своему, Машкара сказал писателям-старооскольцам, что умер... Виктор Белов. Те, недолго думая, собрались и... помянули Виктора Ивановича.

На следующий день, ничего не подозревая об этом, сидим мы с Виктором Ивановичем в Союзе писателей. Раздается междугородный телефонный звонок. Поднимаю трубку — голос писателя-старооскольца Геннадия Степановича Ларковича. Сначала он поговорил о делах писательских, а потом вдруг:

— Да все-то ничего, только вот жаль, что мы потеряли своего товарища...

— Кого потеряли? Какого товарища? — не сразу понял я.

— Как какого? — в свою очередь удивился Ларкович. — Вы же вчера Белова похоронили...

Сообразив, что произошло, я передал трубку Белову, предварительно введя его в курс дела.

— Я тебе, Геннадий Степанович, с того света звоню, — начал свой разговор Белов.

На другом конце провода — молчание.

— Ну что ты молчишь, Геннадий Степанович? Это я, Белов. Расскажите, как же вы там помянули меня.

— Хорошо помянули, — приходя в себя, начал Ларкович. — Все хорошо говорили о тебе. И хоть ты мне рекомендацию в Союз писателей не дал, я тоже говорил о тебе хорошо...

И, успокаивая скорее себя самого, нежели Белова, извинительно добавил:

— Жить теперь тебе сто лет, Виктор Иванович...

ОЦЕНКА ЗА НАХОДЧИВОСТЬ

Поэтесса Елена Неведрова, будучи студенткой Воронежского госуниверситета, сдавала экзамен по русской литературе XIX века. Профессор Виктор Александрович Малкин — гроза всех студентов филфака и большой оригинал — решил, как это он часто практиковал со студентами, поставить Лену Неведрову в тупик своим необычным и неожиданным вопросом:

— Лена, скажите мне, пожалуйста, какое время суток было, когда Наташа Ро-

стова приехала к своему дядюшке? Вы, конечно, помните эту известную сцену из романа Льва Николаевича Толстого «Война и мир», когда Наташа танцевала русский танец?

— Утро, — не моргнув глазом, ответила Лена.

— А почему Вы так решили? — удивился профессор.

— Да потому, Виктор Александрович, что я точно помню: по ходу действия романа Льва Николаевича Толстого «Война и мир» на тот момент, когда Наташа Ростова приехала к своему дядюшке, все еще были трезвые...

Профессору ничего не оставалось делать, как поставить в зачетку Неведровой за находчивость — «отлично».

НЕЦЕНЗУРНОЕ УГОЩЕНИЕ

Александр Мищенко, редактируя сборник песен белгородского композитора Вадима Шувалова, в нотном тексте песни на слова Виктора Белова исправил какой-то аккорд. Вадиму Николаевичу такое вмешательство музыкального редактора резко не понравилось и он пожаловался на Мищенко Белову.

Встреча Белова с Мищенко была внезапной, бурной и эмоциональной.

Когда же страсти улеглись, Мищенко с юмором рассказывал мне:

— Из 126 слов Белов тогда сказал мне 89 матов... И... угостил пивом...

КОВАЛИ

Из Воронежа в Белгород для участия в Днях литературы приехали поэты Павел Касаткин и Павел Мелехин.

Случилось так, что за их писательской бригадой, возглавляла которую Наталья Глебовна Овчарова, тогдашний ответственный секретарь Белгородской писательской организации, прислали машину техпомощи.

Как истинные джентльмены, они усадили Наталью Глебовну в кабину, а сами заняли место в будке техпомощи.

Всю дорогу до места выступления из будки доносился стук, грохот и хохот поэтов.

Когда приехали, Наталья Глебовна с удивлением спросила их:

— Ребята, что вы там всю дорогу стучали?

— Мы не стучали, а кова́ли, — серьезно ответил Мелехин.

— Как кова́ли? Что кова́ли? — недоуменно переспросила Овчарова.

— Все кова́ли, что было, — подтвердил Касаткин. — Там есть и молот, и наковальня. Если не верите — посмотрите.

Наталья Глебовна расхохоталась, а шофер, подозрительно посмотрев на поэтов, полез в будку посмотреть: не натворили какой-либо беды эти горе-кузнецы?!

НЕЗАМЕНИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Украинский поэт Виктор Череватенко однажды совершенно неожиданно спросил белгородского писателя Виктора Белова:

— Виктор Иванович, скажите, 79-й элемент таблицы Менделеева — что это?

— Спирт, — не задумываясь, ответил Белов.

— Нет, Виктор Иванович, 79-й элемент — это золото, — уточнил Череватенко.

— Я ж говорил, что спирт, — невозмутимо парировал Белов.

Вообще-то поэт Павел Мелехин предпочитал жить на «вольных хлебах». А тут прижало так, что невмоготу. И после переезда из Воронежа в Подмосковьё пошел он наниматься на работу в одну из редакций в Мытищах. Как это водится у нас, редактор дал ему журналистское задание. «Экзамен» Мелехин выдержал с блеском и был принят на работу корреспондентом.

Проработав две недели, получил аванс. Перед обедом заходит Павел к редактору и говорит:

— Можно я после обеда немного задержусь? Мне надо в универмаг сходить, носки купить, а то мои совсем прохудились.

Редактор согласно кивнул головой.

...Вернулся в редакцию Мелехин через... восемь месяцев. Зашел к редактору. Тот посмотрел на него и серьезно спросил:

— Ну что, Паша, носки купил?

— Да, купил, — улыбнулся Павел. — И сносить уже успел...

На этот раз Мелехин в редакции продержался до получки...

ПРИЛИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК, ИЛИ КОСТЮМ В ПОРТФЕЛЕ

Мой друг по Воронежскому университету поэт Валера Левин всегда и везде ходил со здоровенным портфелем. Я как-то не выдержал и спросил его, что он в нем носит?

На мой нетактичный вопрос Валера охотно и искренне ответил:

— Ты же знаешь, что я давно мечтаю познакомиться с хорошей красивой девушкой, чтобы потом жениться на ней. Представляешь, иду я по Воронежу и — вижу: вот она! Знакомлюсь! А она вдруг приглашает меня к себе домой — с родителями своими познакомиться. Как же я пойду в таком будничном виде? А у меня всегда в портфеле, завернутый в целлофановый пакет, мой парадный костюм. Я захожу в укромное местечко, быстро переодеваюсь и к родителям ее прихожу приличным человеком.

ЛЬГОТНАЯ СТРИЖКА

Белгородский поэт Василий Лиманский пошел в парикмахерскую.

— Сколько стоит стрижка? — спросил он с порога парикмахершу.

— Сорок рублей, — привычно ответила она.

— А полголовы?

Парикмахерша подозрительно посмотрела на Лиманского:

— Как это?

— А вот так! — весело ответил Василий Иванович и снял с головы тряпичную кепчонку.

Когда парикмахерша увидела почти полностью лысую голову, она расхохоталась. Но оплату за стрижку скостила всего на ... десять рублей.

ВЫРУЧИЛ ПУШКИН

Писатели Виктор Иванович Белов и Михаил Петрович Сорокин, будучи сотрудниками Борисоглебской районной газеты, заговорили о Федоре Михайловиче Достоевском, о его романе «Идиот».

— А я, признаться, не только «Идиота», а вообще Достоевского не читал, — несколько сконфуженно сказал Белов.

— Да как же ты, Белов, можешь быть поэтом, если ты не читал Достоевского?! — возмутился Сорокин.

— По-моему, Пушкин тоже Достоевского не читал, — обрадованно нашелся Белов.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Были времена, когда спиртное продавали с одиннадцати дня до семи часов вечера.

Видимо, тогда власти считали, что это самое активное рабочее время больше всего подходит для употребления спиртного.

И вот в Белгород из Воронежа приезжает поэт Павел Мелехин.

А какая ж встреча без застолья, да еще у русских людей?! Тем более у писателей.

Ночевать гость остался у своего друга поэта Игоря Чернухина. На следующий день проснулся он рано. Самочувствие было неважнецким, и Павел немедленно решил «поправить» свое здоровье. Но в доме после вчерашней встречи никакого спиртного не оказалось. Тогда он спросил у Чернухина:

— Игорь, а где у вас здесь ближайший водочный магазин?

— Так ведь до одиннадцати не продают, — несколько сконфуженно, как будто он сочинял эти правительственные постановления, ответил Чернухин.

— Ты расскажи мне — где? — не унимался Мелехин.

Игорь Андреевич рассказал ему — где!

Через несколько минут Павел стоял у прилавка овощного магазина. Бакалейный отдел, естественно, не работал. Вид у Павла был далеко не респектабелен: не выспавшийся, с похмелья, да еще небритый.

— Что Вам надо? — спросила молоденькая продавщица.

— Я — поэт, и мне нужна водка, — ответил он.

— Какой ты поэт? — недоверчиво и уже несколько грубовато «отшила» его продавщица. — Приходи в одиннадцать...

— Посмотрите, вот мой документ, — протянул Павел продавщице свой изрядно потрепанный писательский билет.

— Небось, украл у кого-нибудь? — буркнула та и отошла в сторону.

— А если не верите, тогда я стихи читать буду, — весело сказал Мелехин и приступил к делу.

Тут же вокруг его собралась толпа покупателей. Стихи Мелехина слушателям явно нравились и они даже аплодировали ему.

На шум в торговом зале вышла воинственная заведующая магазином:

— Что здесь происходит?

— Да вот пришел какой-то, говорит, что поэт, стихи вон читает, — ответила перепуганная продавщица.

— А что ему надо? — настороженно поинтересовалась заведующая.

— Просил водку продать, а я ему отказала...

А Павел в это время продолжал читать стихи, собирая вокруг себя все больше и больше слушателей.

Заведующая магазином оценивающим взглядом посмотрела на Мелехина, затем на толпу слушателей и сказала продавщице:

— Продай ему водку и пускай идет с Богом. А то мы с ним горя не оберемся...

Домой к Чернухину Павел Мелехин вернулся победителем.

СЛАВА ТЕБЯ ПОТУШИТ

Поздравляли поэта Василия Лиманского с приемом в Союз писателей. Дружеское застолье было шумным, веселым, доброжелательным. Собратья по перу в своих поздравлениях и пожеланиях изощрались, как могли: кто шутил прозой, кто каламбурил в стихах.

Среди поздравлявших был и супруг поэтессы Людмилы Брагиной, майор внутренней службы, начальник пожарной инспекции УВД Вячеслав Брагин. Когда очередь поздравлять «именинника» дошла до него, Слава встал и безо всяких выкрутасов сказал:

— Желаю тебе, Вася, стать известным поэтом и в своем творчестве всегда гореть, а не тлеть!

— Во-во! А Слава тебя потушит, — добавила весело Люда.